

На правах рукописи

Тугушева Эльмира Феясовна

Метапоэтика А.Г. Битова

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Саратов

2011

Работа выполнена на кафедре новейшей русской литературы
Института филологии и журналистики
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Научный руководитель: кандидат филологических наук, профессор
Герасимова Людмила Ефимовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Кекова Светлана Васильевна

кандидат филологических наук, доцент
Зими́на Лариса Владимировна

Ведущая организация: Воронежский государственный университет

Защита состоится «26» октября 2011 г. в 14 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.243.02 при Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского по адресу: 410012, г. Саратов, Астраханская ул., 83, XI корпус, аудитория 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Автореферат разослан «___» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю.Н. Борисов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Книга жизни, которую А.Г. Битов пишет полстолетия, со всеми ее возвращениями, трансформациями, новыми формами саморефлексии («самоосознанности и самооформленности» – С. Бочаров), все чаще вызывает у исследователей стремление понять ее внутренний закон, кодовую систему ее целостности. Интерпретаторы творчества Битова пишут о «едином метатексте, открытом разнообразным способам членения», «когда каждая выборка – новый литературный организм под новым смысловым акцентом» (И. Роднянская), о «тексте-трансформере, кубике-рубике» (М. Смирнова), о фрактальности прозы писателя (У. Гольдшвеер), о «преодолении литературных конвенций» в «экологической прозе» (Э. Чансес). Все отмечают особую роль саморефлексии Битова в создании образа автора, в стиле писателя, контекстуализируя эту саморефлексию – с разной мерой глубины – в пушкинской традиции, в эстетике модернизма и постмодернизма.

«Мощное автолитературоведение» (С. Бочаров) и его сложные связи с чистой художественностью в творчестве Битова создают, на наш взгляд, особое поле исследования, в котором могут быть выявлены авторские принципы, изоморфные для отдельного текста и для творчества писателя в целом. В качестве **гипотезы** в диссертационном исследовании предлагается реконструкция системы эстетических принципов-кодов, единых для художественной прозы и эссеистики, конденсирующих экзистенциальный и отчасти религиозный опыт писателя. Эту систему принципов-кодов мы называем **метапоэтикой**. Анализ метапоэтики Битова может способствовать выявлению особой природы его творчества, единства образа автора. Такой анализ актуализирует духовно-эстетический аспект изучения творчества Битова. Малоизученной проблемой остается то, как писатель в текстах разной литературной природы осмысляет свой духовный опыт, не субъективируя и не сужая жизненную реальность.

Актуальность диссертационного исследования видится в осмыслении авторской метапоэтики Битова в единстве ее теоретико-рефлексивной и текстопорождающей функций, в попытке благодаря анализу доминантных эстетических принципов-кодов представить творчество писателя не только в диахронии, но и в синхронии. Актуальность работы также связана с необходимостью изучения специфики метатекстовых явлений в русской литературе второй половины XX – начала XXI веков.

Реконструкция метапоэтики Битова становится возможной, на наш взгляд, благодаря особой отчетливости на современном этапе авторских стратегий (внутритекстовых – интратекстовых, композиционных – и внетекстовых – издательских); благодаря богатому опыту литературоведческих и критических исследований творчества Битова; благодаря теоретической разработанности в отечественной и зарубежной филологии проблем метапрозы, метатекста. В методологическом плане нам понадобилось выяснение понятия «метапоэтика», еще не закрепившегося в литературоведении. Исследуя метапоэтику Битова, диссертант опирался на работы, специально посвященные метапоэтике

(К. Штайн и ставропольская лингвистическая школа), метатекстовым явлениям (П. Тороп, Д. Сегал), метапрозе XX века (М. Липовецкий, М. Абашева).

Методологической базой диссертационного исследования явились труды отечественных ученых: С. Аверинцева, М. Бахтина, С. Бочарова, В. Виноградова, Л. Гинзбург, М. Липовецкого, Ю. Лотмана, В. Руднева, Н. Рымаря, В. Скобелева, И. Скоропановой, В. Топорова, П. Торопа, Б. Успенского, К. Штайн – и зарубежных теоретиков: Р. Барта, М. Бланшо, Х.-Г. Гадамера, У. Гольдшвейер, Ю. Кристевой, В. Шмида.

При изучении творчества Битова мы учитывали результаты исследований, отразившиеся в монографиях и статьях М. Абашевой, Л. Аннинского, С. Бочарова, С. Волкова, А. Гениса, Н. Ивановой, Ю. Карабчиевского, М. Липовецкого, А. Марченко, П. Мейер, В. Пискунова, И. Роднянской, Т. Рыбальченко, И. Скоропановой, И. Сурат, В. Туркова, А. Урбана, Э. Чансес, В. Шмида и др.; в диссертациях Е. Бариновой, О. Бычковой, Н. Гулиус, М. Гурьяновой, М. Кормиловой, О. Мирошниченко, И. Толмашова, Т. Шеметовой, И. Якуниной.

Научная новизна работы заключается в исследовании феномена метапоэтики на примере художественного и эссеистического творчества Битова. Определяется единство эстетических принципов писателя на протяжении всего его творчества. Наряду с рассказами, повестями и романами Битова рассматриваются и его эссеистические тексты, которые ранее не были предметом специального научного изучения.

Объектом исследования явились тексты, вошедшие в четырехтомник «Империя в четырех измерениях» (1996), книги «Неизбежность ненаписанного» (1999), «Пятое измерение: На границе времени и пространства» (2002), «Путешествие из России» (2003), «Полуписьменные сочинения» (2006), «Полет с героем» (2007), «Преподаватель симметрии» (2008), «Битва» (2009), «Текст как текст» (2010), а также книги, посвященные А.С. Пушкину: «Предположение жить. 1836» (1999), «Вычитание зайца. 1825» (2001), «Моление о чаше. Последний Пушкин» (2007), «Метаморфозы» (2008), – важные для понимания битовской концепции «единого текста». Для сопоставительного анализа привлекаются тексты Битова 1970 – 1980-х годов. Для нашего исследования имели большое значение аудиозаписи, беседы А. Битова на радио и телевидении, интервью в газетах и журналах.

Предметом исследования стали метапоэтические принципы Битова, представленные в единстве, выражающем духовно-эстетический опыт писателя.

Цель работы – выявить единую метапоэтику художественных и эссеистических текстов Битова. Цель работы предполагает решение следующих **задач**:

- определить метапоэтический код в текстах Битова об А.С. Пушкине;
- проанализировать авторскую концепцию «единого текста»;
- рассмотреть метапоэтические принципы эссеистики Битова;
- реконструировать духовно-эстетический критерий Битова в исследовании «границ времени и пространства» искусства литературы;
- показать особенности образа автора в его «литературе о литературе», а также в комментариях и комбинациях своих текстов;

- определить идейно-эстетическое содержание «творческого хронотопа» в романе Битова «Оглашенные».

Методология диссертационного исследования предполагает использование историко- и теоретико-литературного, метатекстуального, стилистического, структурно-типологического, семиотического, герменевтического методов изучения текста.

Теоретическая значимость работы заключается в определении характера метапоэтики А.Г. Битова, в разработке приемов исследования метапоэтики прозаических текстов.

Практическая значимость диссертационного исследования: результаты работы могут быть использованы при подготовке общих курсов истории русской литературы XX века и современной литературы; специальных курсов, посвященных творчеству А.Г. Битова; при изучении теории и практики метапоэтики.

Апробация материалов диссертации была осуществлена на Всероссийской научной конференции «Проблема текста в гуманитарных исследованиях» (Москва, 2006), Международной научной конференции «Исповедальные тексты культуры» (Санкт-Петербург, 2007), Всероссийской научной конференции «Текст. Произведение. Читатель» (Казань, 2007), XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья (Елабуга, 2008), Международном конгрессе «Русская литература в контексте мировой литературы. Место и роль русской литературы в мировом образовательном пространстве» (Санкт-Петербург, 2008), Всероссийской научной конференции «Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX-XXI вв.» (Саратов, 2009), Всероссийской научной конференции «А.И. Солженицын и русская культура» (Саратов, 2009), Всероссийской научной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве» (Томск, 2009), Международной Интернет-конференции «Лингвистические основы метапоэтики» (Ставрополь, 2010), на ежегодных Всероссийских научных конференциях молодых ученых «Филология и журналистика в начале XXI века» (Саратов, 2006-2011).

Результаты исследования отражены в 14 публикациях, в том числе 2 – в издании, рекомендованном ВАК.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Метапоэтика Битова выявляется в сопоставлении его художественных и эссеистических текстов, представляет собой систему принципов, выраженную как в прямых суждениях писателя о творчестве, так и в практической реализации этих суждений в произведениях, различных по жанру и по времени написания или переиздания.

2. В пушкинской сфере метапоэтики Битова формируются определяющие творчество писателя эстетические принципы-коды. Кодом прочтения «всего» Пушкина становится «единый текст», суть которого в феноменальном единстве жизни и творчества, а не только в текстуальной связи всех произведений поэта. Этот код универсален и для творчества самого Битова.

Необходимыми для «нового качества русской культуры» представляются Битову явленные в творчестве Пушкина точность духовного выбора и проистекающая из него «судьба души»; чувство нормы Творения и способность норма-

лизовать текстом иррациональность жизни; внутренняя свобода и виртуозность формы. В творчестве Битова эти принципы преломляются в свободе соединения разных текстов, фантазии и факта, в импровизации и игре с читательским воображением с целью актуализировать сакральные силы культуры.

3. Метапоэтика Битова в его эссеистике эксплицируется как комплекс авторских идей о границах: времени и пространства в литературе, границах текста, опыта, границах прозы и поэзии, слова и реальности, границах культуры и внекультурной бытийственности. Основные принципы эссеистики Битова – размышления не столько *о* границах, сколько *на* границах, мысленное пересечение границ, динамичное усложнение и изменение пространства литературы, порождающие в писательском деле переписывание, новую циклизацию текстов, включение в собственное творчество новых контекстов. «Живая проза» прорывает личное время автора и во многом предвосхищает его опыт.

4. Для метапоэтики Битова принципиальны выходы за пределы линейного времени текста. Они взрывают повествование в художественных произведениях, обнаруживая игру разными мерами условности, провоцируя погоню читателя за ускользающим автором. Они остраивают читательское восприятие в эссе о произведениях литературы разных веков. «Анахронизм воспоминаний» – общее свойство психологической прозы – превращается у Битова в подчеркнутый, постоянный прием, единый для текстов, созданных в разных модусах.

5. «Творческий хронотоп» в романе «Оглашенные» предстает как поиск и обретение «заповедного пространства» – границы человеческой и Божественной сред, «сферы смыслов», где определяются духовные ориентиры жизни и текста. «Заповедное пространство» – мыслеобраз единства духовных и художественных исканий. Отчет автора о трех этапах странствия – метапоэтическое описание прорыва к истинной реальности жизни и своего «Я».

6. И в теоретической рефлексии, и в художественной практике Битова принципиально важна сосредоточенность на процессуальности творчества: на непрерывности духовного опыта (в масштабах литературы и в масштабах творческой индивидуальности), на постоянной актуализации «множества маленьких моментов озарения», на поиске слова «как совпадения художественного образа и мышления», на жанровых границах и процессуальности жанров, на движении через многослойность реальности к ее смыслу.

7. Особенностью метапоэтики Битова, проявляющейся и в собственных произведениях, и в восприятии произведений других писателей, представляется интерес к формам реализации авторского начала. Соппротивление реальности, «не выносящей быть описанной», автору и его власти в Империи текста передано через расслоение авторского «я» на «я» автора-повествователя и «он» автора-героя («Ожидание обезьян»). Через противоречия и сближения текстуального и духовного «я» в романе передается движение творческого сознания и в «заповедном пространстве» романа-странствия, и в пространстве всего творчества Битова.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 280 наименований. Общий объем диссертации составляет 224 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются цели, задачи и методологические основы диссертационного исследования, обосновывается его актуальность, устанавливаются научная новизна, практическая и теоретическая значимость работы, дается история вопроса, выясняются необходимые теоретические понятия, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Пушкинская сфера метапоэтики А.Г. Битова»** выявляются писательские принципы Битова, выраженные в его размышлениях о судьбе как реализации личности в творчестве. Гениальным воплощением смыслов жизни и творчества, а также образцом для создания собственной поэтики для Битова является творчество А.С. Пушкина. Исследование этапов восприятия Битовым Пушкина было проведено в диссертационной работе И.А. Толмашова¹. В нашем исследовании восприятие творчества и личности поэта определяются как особая сфера формирования метапоэтики Битова. Ее диапазон – от художественно-игрового автокомментария, явленного в «Профессии героя» – приложении ко второй части романа «Пушкинский дом», до отдельных, полухудожественных, но не наукообразных по своему характеру книг «Предположение жить. 1836» (1999), «Вычитание зайца. 1825» (2001), «Моление о чаше. Последний Пушкин» (2007), «Метаморфоза» (2008). Битов обращается к Пушкину, исходя из *своих* творческих принципов, которые начали формироваться в произведениях, написанных до романа «Пушкинский дом». Как представляется, пушкинская сфера метапоэтики Битова вбирает в себя разные периоды его творчества, разные виды его текстов, даже разное – до «Пушкинского дома» внутренне запретное, а после свободное – отношение к Пушкину. Однако во всем, что написано Битовым о Пушкине, заметна определенная последовательность идей, совокупность кодов прочтения творчества Пушкина и шире – художественной литературы. Формирование этой системы кодов в творчестве Битова происходило с опорой на понимание гениальности Пушкина, ее полной необходимости для «нового качества русской культуры». В Пушкине – как в идеале – Битов ищет ответы на вопросы: что есть творчество? какова природа гениальности? в чем тайна единства жизни и текста гения? каковы критерии подлинной литературы?

В **параграфе 1.1. «Пушкинский сюжет как прорыв к духовной реальности»** анализируется один из ключевых моментов авторской рефлексии над процессом написания романа «Пушкинский дом» – выбор профессии героя как возможности постижения и переживания пушкинской глубины и глубины жизни. Погружаясь в профессию своего героя, Битов представляет романную, художественно опосредованную версию текста о Пушкине, которую передает сам автор, а по умолчанию – его герой. Если «дело» Левы – это его профессиональная маска, которая, как оговаривается автор, «не вполне нравится ему», то для самого Битова писать о Пушкине после романа «Пушкинский дом» станет де-

---

¹ Толмашов И.А. А.С. Пушкин в творческом сознании А.Г. Битова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2009.

лом жизни, важным этапом его творчества, что явлено в книгах, каждая из которых по-своему заряжена авторской идеей-догадкой о судьбе поэта. Диссертантом подчеркивается, что обращение к творчеству Пушкина для Битова невозможно без осознания целостности текста как жизненного опыта. Автор, «доверяя» Леве – одновременно и самому себе – написать о Пушкине, раскрывает иной мир своего героя – реальность его опыта. Сближение автора и героя в романе – это попытка выхода к подлинным смыслам литературного творчества. «Вопросы» Левы Одоевцева к «трем пророкам» не ограничиваются лишь его литературоведческими изысканиями. Несомненно, эти вопросы суть проблемы духовного опыта, поскольку выбранная тема «пророчества» – это прежде всего соприкосновение с религиозным пониманием поэтического дара слова. Писателю важно показать глубинные процессы сознания, что скрыты за отстоявшимися представлениями о литературе и о тех, кто литературу создает. На примере, с одной стороны, поэзии и судьбы трех поэтов – Пушкина, Лермонтова, Тютчева, – а с другой стороны, на примере судьбы самого Левы в романе заданы метафизические вопросы о «непрерывности» духовного опыта. Битов предоставляет своему герою внутреннюю свободу познания своей судьбы в контексте судеб русской литературы. Собственные духовные вопросы заставляют героя осмысливать свою жизнь в доступном ему диапазоне сознания, в близкой ему системе мира. «Судьба души» поэта имеет определяющее значение для понимания феномена гениальности. «Полное сознание», позволяющее совершать *«единственные»* поступки, становится точкой отчета для неизбежного возникновения проблемы духовного выбора в «судьбе души». Выбором обуславливается дальнейший опыт. Литературоведческим критерием в исследованиях героя и, очевидно, самого автора, комментирующего статью своего героя, является прежде всего обращение к содержанию литературного текста через призму собственных духовных вопросов.

В статье «Три пророка» разное отношение к Богу видится героем как отношение трех уровней человеческого сознания, выраженных в стихотворениях Пушкина, Лермонтова и Тютчева. Обращение к теме пророка обуславливается, по Битову, мерой искренности, открытости поэтического «я». На наш взгляд, целесообразно говорить не столько о лирическом «я», сколько именно о поэтическом «я»: несмотря на то, что в статье Левы речь идет только о трех стихотворениях, глубина проникновения в тему задает иные параметры поэтического, то есть скорее не поэзии души, пронизанной лирическими настроениями, но поэзии духа, «страждущего исполнить свое назначение на земле». Поэтическое «я» Пушкина, Лермонтова и Тютчева предстает как три уровня бытия: вдохновенный, открытый в своей доверии к Богу (Пушкин); сомневающийся в самом себе и разочарованный в жизни (Лермонтов); «скрытый», ориентированный на «свое мнение о другом», когда «его самого нет», не способный исследовать и оценивать себя и свои поступки (Тютчев). И Лева приводит свои литературоведческие доводы в пользу представляемой им системы мира, словно пытается объяснить с этим миром на своем профессиональном языке. Задан определенный уровень прикосновения к духовному опыту великих поэтов. Автору важен риск такого прикосновения. В решении задачи постижения этого опыта

он предоставляет внутреннюю свободу уже своему читателю. Авторская текстовая игра, на наш взгляд, достигает особого поворота: статья-фикция превращается в отрицание отрицания. В сущности, само написание статьи для героя является попыткой гармонического сосуществования с материалом жизни, дающей опыт.

Соотношение истории и современности принципиально для Битова как соотношение двух взаимоисключающих категорий: прошлое застыло в вещах, настоящее еще не выявлено. Историческое событие, данное как «факт несомненной достоверности», не вызывает полного доверия, как сомнительно и «двоящееся предположение» современности. На наш взгляд, Битов ни на том, ни на другом окончательно не останавливается – важным оказывается приоритет самой жизни, дающей человеку опыт при столкновении с прошлым и настоящим. В отдельном от «Пушкинского дома» произведении «Фотография Пушкина (1799-2099)» Битов художественно проигрывает идею о движении во времени, при котором правда событий остается недоступной в плане предопределения.

Жизнь Левы Одоевцева, принадлежащего художественной реальности романа, передана как неизбежное действие «настоящего со всеми его закономерностями». Битов помещает своего героя в пограничные состояния: между реальностью художественной (вымышленной) и подлинной («живой») реальностью, которую «сверху может видеть только Бог». Такой пограничной является встреча Левы с дедом Модестом, образ которого – знак настоящего, не вымышленного. Лева и Модест Платонович показаны не только на уровне семейных отношений, но и на том высоком уровне, когда один человек фокусирует на другом человеке стремление «прорвать круг» своего инертного существования, поскольку чувствует в этом человеке присутствие *иного знания*. Пограничным, однако, уже между сознанием героя (филолога) и сознанием автора (писателя) становится собственно текст. Приложение «Профессия героя», таким образом, можно рассматривать как метапоэтическую часть романа: в ней присутствие *иного знания* и для героя, и для автора ощутимо через текст о Пушкине.

В авторских комментариях к статье героя формируются такие критерии литературного творчества, как искренность, непрерывность духовной устремленности к трансцендентному, в чем *автор в романе* совпадает с Битовым – *автором романа*. Феномен гениальности рассматривается Битовым как знак единства творчества и жизни. Метапоэтический принцип гармонического сосуществования с материалом жизни, претворенным в опыт, а затем в произведение искусства, становится для Битова самым важным, самым труднодостижимым. Пушкинский идеал как критерий всегда будет вызывать самонеудовлетворенность Битова, но и всё новые поиски единства личного опыта и письменных, «полуписьменных» сочинений. Для Битова важно, что единство творчества и жизни достигается в реализации личного опыта через преодоление расслабляющей душу «психологии», самоанализа, мешающего совершать «единственные поступки». Эта способность к преодолению, к поступку, как пишет Битов в своих эссе о поэте, – исключительное пушкинское свойство. Однако еще до эссеистики, в размышлениях Левы о «непрерывности», гениальность

Пушкина определяется последовательным духовным выбором и противопоставляется «духовной гибели», остановкам в «развитии и накоплении опыта».

В параграфе 1.2. «А.Г. Битов о феномене "единого текста" А.С. Пушкина» эксплицируются кодовые принципы пушкинской эссеистики Битова. Проведя в «Пушкинском доме» своеобразный эксперимент с Левиной статьей, Битов, на наш взгляд, внутренне предопределил не только сквозные темы, но и приемы своей дальнейшей пушкинианы. На своем текстологическом опыте он демонстрирует опыт понимания – «концепционного» пояснения (Ю.М. Лотман) прежде всего самому себе кодов интерпретации пушкинского творчества. Кодом прочтения «всего» Пушкина, по Битову, является «единый текст». Метапоэтические принципы Битова в связи с Пушкиным исходят, прежде всего, из духовно-эстетической полноты слова Пушкина, искренности, открытости его поэтического «я» – все это дает писателю «единство ощущения текста от первого до последнего слова», «вспышку целого», «одновременность существования всего текста». В попытке понять феномен поэтического дара Битов исходит из присущих ему самому духовно-эстетических принципов творчества. Как представляется, необходимость «точности духовного сюжета», «полной неважности личного, житейского, в чем-то непосредственно заинтересованного "Я" перед "Я" духовным и божественным» Битов ощущает и как свои сокровенные, однако требующие постоянного осознания, творческие задачи. Сближая «края пропасти» между автором и героем своего романа, писатель как бы предлагает иначе посмотреть на произведение литературы – увидеть в тексте не только отношения автора и героя, но и художественно опосредованный, а затем осмысленный в эссеистике свой внутренний диалог со словом Пушкина.

Битов, говоря о жизненном опыте А.С. Пушкина, неизбежно акцентирует особую сферу жизни и судьбы – способность произрастать из глубин своей духовности. В петербургском цикле «Дворец без царя» жизнь поэта осмысливается Битовым под знаком единства творчества и судьбы, Петербурга и текста. Феномен гениальности как знак единства творчества и жизни интересует Битова в большей мере как явление духовной реальности. Присутствие Пушкина в веках объясняется его «особой проявленностью» в своей собственной жизни. Отдельная тема в метапоэтике Битова – это черновики Пушкина, которые (как и саму последовательность текстов) Битов считает глубокими и полными «свидетельствами» гениальности поэта. Сличение чернового материала с опубликованным текстом, по мнению писателя, дает возможность увидеть единство творчества, но и догадаться о «наличии сверхзадачи» пушкинского гения для русской культуры.

Диссертант считает, что метапоэтика Битова особым образом фиксируется на границе разных искусств. Так, размышления о тайне пушкинского творчества, идеи о невыразимой «завершенности» Пушкина привели Битова к созданию вместе с музыкантами литературно-музыкальных композиций (чтение черновиков Пушкина в переплетении с джазовыми вариациями). Аудиозаписи «"Часы печальных иль..." Пушкин в Нью-Йорке» по существу своему глубоко метапоэтичны: импровизируя, Битов на языке джазовой музыки, несомненно, близкой ему как поколенчески, так и вне времени (казалось бы, что общего у Пушкина с джазом?), интерпретирует творческий процесс создания стихотворений.

К феномену «единого текста» Пушкина Битов подходит по закону обратной перспективы, для чего обращается к точкам зрения современного читателя и читателя пушкинской поры. И тот, и другой, по мнению Битова, «смотрятся в зеркало», но не совпадают по той причине, что читателям XIX века больше было известно раннее творчество поэта, а читателям XX века – поздний период. Временные коллизии литературного процесса писатель соотносит с загадкой читательского восприятия. Обращаясь к последним стихам, письмам, прозе Пушкина, параллельно с этим анализируя отдельные моменты в его судьбе, писатель подчеркивает иррациональность самой жизни, ищущей в тексте художественного преображения, «нормализации». Для Битова норма творения у Пушкина соотнесена с нормой Творения. Такое понимание не исключает свободы формы. И в пушкиниане Битова, и в других его текстах мы видим стремление к импровизациям, внутренней свободе в соединении разных своих текстов, фантазии и факта.

Вторая глава «Метапоэтические принципы в эссеистике А.Г. Битова» посвящена выявлению кодовых эстетических принципов писателя в его книгах, изданных в 1990 – 2000-е годы: «Неизбежность ненаписанного» (1999), «Пятое измерение: На границе времени и пространства» (2002), «Полуписьменные сочинения» (2006), «Полет с героем» (2007), «Битва» (2009), «Текст как текст» (2010). Диссертант обосновывает свой выбор особым типом указанных книг: они представляют собой комбинации текстов Битова, разных и по жанру, и по времени написания. В основе концепции того или иного переиздания – опыт осознания писателем своего творчества. Для метапоэтики Битова принципиальна не столько хронология изданных книг и их жанровое определение, сколько реализация духовно-эстетического опыта в едином пространстве творческого замысла. Принцип постоянной актуализации значимых моментов жизни и творчества проявляется во всех произведениях писателя, но прежде всего – в подвижной форме эссе. В данной главе важна установка на принцип «раздвоения эссеиста» (И. Роднянская), позволяющая исследовать метапоэтические связи между художественным и эссеистическим повествованием Битова. «Раздвоение эссеиста» понимается нами, прежде всего, как особый принцип метапоэтики Битова. Его эссе – это исследование «границ времени и пространства» литературы, основанное на личном опыте восприятия «текстов» культуры. В то же время эссе писателя – это размышление *на* границах своих разных текстов, как художественно воплощенных, так собственно эссеистических. Исследование этой формы битовской метапоэтики определило структуру настоящей главы.

В параграфе 2.1. «Эссеистика А.Г. Битова как исследование "границ времени и пространства" в литературе» рассматривается комплекс авторских идей о границах: времени и пространства в литературе, границах текста, опыта, границах прозы и поэзии, слова и реальности, границах культуры и внекультурной бытийственности. Размышляя о пограничных явлениях, автор самого себя обнаруживает в различных пространствах жизни и творчества. Горизонталь образуют мысли писателя о границах текста (его завершенности / незавершенности, хронологии), границах прозы и поэзии, документа и художественного вымысла, исторических границах литературного процесса, об измерении культурной памяти. Вертикаль – это пространственно-временные границы

внутри текста, «диапазон» содержания, а также границы самой литературы во времени и пространстве экзистенциального опыта отдельного поколения.

Битова как писателя-мыслителя волнует то, как причудливо на границе времени и пространства осуществляет себя память. В этой связи можно предположить, что культурная память для него – это далеко не багаж накопленных знаний, но само по себе *знание*, адекватное реальности. Процесс получения такого знания, *образование* – это увлекательное путешествие по рубежам культуры в поисках реальности. Очевидно, что эта творческая концепция послужила Битову неким фильтром, чем обуславливается его обращение к определенным внутренним процессам русской литературы.

Как в художественных текстах, так и в эссеистике Битова интересуют время и пространство литературы не только вне идеологических установок, но и вне какой бы то ни было пропаганды. При анализе эссе цикла «Вдовствующая культура» выявляются существенные метапоэтические принципы писателя. «Авторская роль» Битова в эссеистике, посвященной литературе, по внутренним задачам совпадает с его ролью как читателя. В эссе о Л. Гинзбург, А. Солженицыне, Д. Шостаковиче Битов показывает бесценность самораскрытия человека, чувствующего себя частью истории и культуры, когда «страх человека порождает все большую смелость в художнике». «Вдовствующая культура» – культура, прошедшая через абсурд тоталитаризма, ужасы Второй мировой войны и ГУЛАГа, культура отдельных судеб, являющая себя не только через великие тексты, но и великие личности, – это особая тема битовской эссеистики.

Одну из важнейших проблем литературоведения – проблему документального и художественного – Битов обозначает в эссе «Прорвать круг». Определение границ художественности не сводится к простому различению форм. Художественность, по мысли Битова, зависит не столько от соблюдения эстетических границ, сколько от силы таланта – «*обеспеченья*». Под «обеспеченьем» понимается духовный опыт, который был претворен в культуре, невзирая на абсурд истории. Битов отмечает важный и для его собственного творчества парадокс: чем больше материал сопротивляется своему художественному оформлению и отвергает стилизаторство, тем больше этот материал «обретает необходимые повествованию стиль и художественность».

Вопрос о читательском восприятии Битов задает не эпохе с ее цензурой, а прежде всего предлагает исходить из внутренних условий текста, благодаря которым со временем формируются критерии подлинной литературы.

Тема «вдовствующей культуры» в пространстве русской литературы особо раскрывается Битовым и в связи с творчеством А.И. Солженицына. Размышления Битова об А.И. Солженицыне, на наш взгляд, неотрывны от постоянного в метапоэтике Битова кода: литература как проявление сакральных сил, оберегающих от духовного распада и направляющих на понимание *истинной реальности*, а не *модели мира*. Анализ эссеистики Битова убеждает в том, что понимание литературы как «живого сердечного единства» (А.И. Солженицын) близко ему в его поиске назначения литературы, ответа на глубинный вопрос о природе духовной реальности.

Пушкинскую способность произрастать из глубин своей духовности Битов ищет и находит в творениях и судьбах людей разных эпох. Сквозная идея эссеистики Битова – единство художественного и духовного опыта. Литература становится подобна жизни, когда текст не отражает, а доказывает опыт.

Эссеистика Битова имеет свою особенную внутреннюю хронологию – измерение памяти, которое он соотносит с пространством литературы. Само понятие пространства и связанное с ним понятие границы чрезвычайно важны для метапоэтики Битова. В его творчестве пространство представляет собой пересечение различных измерений (исторических, духовных, интеллектуальных), попытку понять во взаимодействии этих измерений целостность литературы. «Пространство литературы» для Битова – это особое динамическое измерение, в котором важно движение и развитие, а не только объем накопленных знаний. Распознавание «границы времени и пространства» имеет особое духовное предназначение для культуры. Битова волнуют те границы, которые не разделяют, не разобщают или являются искусительным пределом. Он определяет «границу времени и пространства» прежде всего как меру духовного опыта, без которого невозможна ни отдельная судьба, ни культура.

И в эссеистике, и в художественных текстах Битов часто обращается к особому соотношению времени проживания жизни, времени написания текста и времени его прочтения. Странствуя по рубежам словесной культуры, Битов «исповедует» сакральную связь судьбы с пространством и временем того текста, из которого эта судьба «растет».

В рассуждениях о языке, слове, поэзии, природе вдохновения, о жизни текста («живой прозе») Битов выходит к пониманию творчества как «ощущения единого надо всем замысла». Жизнь оказывается больше, чем все представления о ней, и лишь в «состоянии единого текста» пишущий способен уловить реальность в ее подлинном, духовном наполнении. Метапоэтический принцип «единого текста», открытый Битовым в его пушкинистике, аналитически обосновывается в эссе разных лет.

Диссертант прослеживает мысль Битова, проходящую через его эссе, о том, что, отвоевывая смыслы, слова становятся текстами, которые в свою очередь отвоевывают судьбу – либо самого текста, либо судьбу того, кто создал текст как духовно-эстетическую реальность. Но есть, как считает писатель, такие тексты, в которых «битва» превращается в молитву. Идеи Битова в эссе «Соображения прозаика о музее» о созвучии и сверхсмысле перекликаются с концепцией ритма С.С. Аверинцева. Отмечая сходные положения в эссе Битова и статьях Аверинцева, диссертант приходит к выводу, что и тому, и другому важна целостность – неизменное свойство реальности, ориентированной на духовную природу слова, способность слова передавать ощущение всеединства мира и человека.

В 1990-е – 2000-е годы некоторые эссе Битова, опубликованные в литературных журналах, аудио- и видеозаписи выступлений на радио и телевидении, интервью, а также культурные проекты разных лет можно объединить под знаком авторского жанра «полуписьменные сочинения». Битов сохранил найденные им единственные смыслы и формы, однако изменилось время и простран-

ство их существования, что не могло не вызвать у автора желания импровизировать и экспериментировать на границе «полуписьма», где смыкаются пространственно-временная поэтика его текстов и реальная жизнь. Ощущение пограничности письма и речи, таким образом, проецируется на общекультурные пласты, но и в самой русской культуре с ее «извечной парностью» Битов находит основание для размышлений о закономерностях, антиномиях и подобиях русской литературы. Битов создает образ русской литературы, видя ее как «большую систему подобий». Размышление писателя об астрологии русской литературы, как представляется, тоже можно рассматривать как пример нелинейного мышления. Анализ «полуписьменных сочинений» Битова позволил диссертанту сделать вывод о том, что творческому сознанию писателя все-таки важна не жанровая нарезка единого текста, не игра в кубик-рубик с собственным текстом, а некая непрерывность, суть которой, на наш взгляд, в глубоком отношении к значимому.

В параграфе 2.2. «Самоидентификация в процессе творения: текст и контексты» диссертант обратился к книгам и циклам Битова, представляющим комбинации художественных и эссеистических текстов («Неизбежность ненаписанного», «Полет с героем», «Дачная местность»), и сосредоточился на соотношении хронотопа сюжетного и «творческого хронотопа». Предметом специального анализа стали различные контексты, в которых осознает себя творческое «я».

Природа изменений, перекомпоновки текстов у Битова обусловлена не только идеей свободы, но и стремлением автора и его героев к осознанию своего опыта. Как представляется, героям Битова и ему самому недостаточно лишь понять, что они запутались в мире и себе, что, взрослея, они теряют свободу, открытое детское восприятие. Опыт жизни и знание о самом себе, на наш взгляд, для автора тождественны, в стремлении к этому тождеству обнаруживается более глубокий смысл битовских путешествий. «Самая честная автобиография» невозможна для Битова без постоянного самоопределения в пространстве культуры, потому так многообразны контексты автоописания. Автобиографизм Битова, понимаемый им расширительно, до дальних границ времени и пространства литературы, особым образом проявился в цикле автобиографических рассказов и эссе «Дворец без царя». Применительно к этому циклу можно говорить о своеобразии Петербургского текста Битова. В связи с петербургской темой в писательском сознании раскрывается особое измерение творчества. В таком измерении вопросы открытости/закрытости обращены к самому процессу, или *опыту* творчества, к индивидуальному ощущению «сущности Петербургского текста» и вместе с тем своей собственной духовной сущности. Битов прямо не ставит вопрос об открытости/закрытости Петербургского текста, но его размышления о двойственной, «парной» природе русской культуры позволяют увидеть, казалось бы, парадоксальные антиномии. Петербургский текст одновременно закрыт и открыт, его пространство диалогично. Петербург в метапоэтике Битова – это прежде всего пространство опыта и *образования как культурной самоидентификации*. Непрерывное видоизменение текстов, новые комбинации их в книгах создают в творчестве Битова «пространство для нового смысла». В параграфе рассматриваются механизмы образования, природа этого

пространства. Один из механизмов – одновременность собственного опыта и перепроверка его, запечатленная двумя «смотрящимися друг в друга» жанрами. Прием, открытый в «Записках из-за угла» и ставший кодовым для Битова.

В диссертации дается ретроспекция этого приема на материале раннего творчества писателя, прежде всего цикла «Дачная местность». В цикл вошли два произведения – рассказ «Жизнь в ветреную погоду» и «Записки из-за угла». «Записки из-за угла» автор диссертации рассматривает как пример раннего метапоэтического текста, в котором началось формирование особых авторских принципов, важных для понимания последующих произведений Битова. В композиции «Записок...» выявляются особенности «творческого хронотопа», в котором разворачивается психологический сюжет творческих поисков писателя.

Вымысел и реальность опыта в текстах Битова стремятся совпасть в высших точках понимания жизни, автор стремится совпасть с самим собой. При этом своеобразие «способа письма» – «самоопределение перед лицом добытой правды» (И. Роднянская), несовпадение, избегание себя, прорыв к новому пониманию. Ставшая текстом жизнь, по Битову, не убывает, а стремится к новому замыслу, порой «преждевременно».

События жизни, к которым писатель возвращается в своих текстах, интересны как самопроверка. Если в постмодернистской литературе нелинейное соположение мысли, поступка и события является элементом игры, а гипертекст – это эффект такой игры, то в творчестве Битова само по себе событие жизни имеет гиперсмысл, извлекаемая из события мысль идентична поступку, поэтому цель – не игра, но целостность жизни и творчества, «ибо нравственность – и есть цель...». Как автор рассказов, повестей, романов, как поэт Битов находится в поиске реальности и в состоянии внутренней перепроверки всего того, что определяется им как значимое. В художественном тексте он фиксирует прорыв к духовной реальности в той мере, в какой этот прорыв «обеспечен» опытом героя, повествующего или лирического «я». Как эссеист Битов эту меру дает в том максимуме, который открывается на границе нечеловеческих страданий великих и обычных людей, на границе проникновения истинных художников в тайну мироздания.

«Ненаписанное» – «пропасть между художественной и прямой речью» – «неизбежно», как встреча с самим собой. По сути, «ненаписанным» у Битова является то, что остается на границе между выразимым и невыразимым: желаемое «молчание слова», при котором ум (знание, просвещенность) становится целомудренным (нравственным), пушкинская «тайная свобода», своя мера этой свободы. «Края пропасти», о которых говорится в отношении автора и героя «Пушкинского дома», сближаются также в отношении прямой и художественной речи, но заметим вслед за автором романа – сама пропасть при этом углубляется. Зазор между чистой художественностью и эссеистикой в творчестве Битова измеряется, на наш взгляд, собственно авторскими критерием художественности, которая невозможна без правды, «прямого вдохновения». По такому же критерию Битов судит о наличии «сверхтекста (надтекста)» в творчестве любого другого автора. С преодолением невыразимости жизни тайна ее никуда

не исчезает, но в своем творческом усилии к свободе становится другим автор, что во многом перепроверяется Битовым в романе-странствии «Оглашенные».

Третья глава «"Заповедное пространство" романа-странствия "Оглашенные" как "творческий хронотоп"» посвящена экспликации метапоэтических данных, выражающих духовный путь писателя, его понимание сути творчества, способ объединения своих текстов в «империю смыслов», попытку «схватить время и выразить его». Битов акцентирует в поэтике произведения эпоху его создания. «Оглашенные» – это роман о преодолении разлада писателя с действительностью, о внутренней борьбе за достоверность опыта, подступ автора к метафизическим границам. В романе повествование балансирует между вымыслом и реальностью, а сам роман, говоря словами Битова, «это то, чего не было, а – есть». Три этапа странствий автора по «заповедному пространству» (физическому и духовному) – ретроспекция духовного становления писателя. При этом существенно, что в «Оглашенных», как и в других произведениях Битова, внимание обращено на *процесс* духовного движения, а не на его *итоги*.

Категория «заповедного пространства» у Битова метапоэтична, связана с эпистемологией творческого процесса. «Творческий хронотоп» «Оглашенных» – поиск внешнего и внутреннего «заповедного пространства» – проявляет главные принципы метапоэтики писателя.

Принцип «единого текста» осуществляется в сложном взаимодействии сюжетного и «творческого» хронотопов, поддерживается включением биографически значимых внесюжетных элементов, символических мыслеобразов, приложений.

Если ориентироваться на то, что «...всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов»², то «заповедное пространство» «Оглашенных» видится нестатичным, по сути это духовный путь писателя к единой «сфере смыслов» жизни и творчества. В «сократическом диалоге» автора и персонажей рождаются *образы идей*, созвучных духовно-эстетическим поискам того периода, в который писалась та или иная часть «Оглашенных» (1970-е, 1980-е и 1990-е гг.), однако диалогический способ авторского мышления отражает прежде всего духовный вектор всего творчества Битова.

Этологические изыскания доктора Д. (ДД), размышления художника Павла Петровича (ПП), творческие «мытарства» автора являются частью сюжета «Оглашенных». «События» в романе происходят не только в разных хронотопах, но и в разных состояниях авторского «я». Однако все три части «Оглашенных» связывает в единое целое повествовательная нить, натянутая за счет особого духовного напряжения, которое испытывает автор. Очевидно, присутствие христианской лексики (оглашение, оглашенные) в названии романа и первой его части обуславливает включение Битовым в свой текст религиозных смыслов жизни и творчества. Текст Священного Писания в поэтике «Оглашенных» имеет

---

² Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 406.

особое значение. Это позволяет рассматривать метапоэтические принципы писателя в религиозно-философском контексте.

В параграфе 3.1. «На границе двух сред: предощущение Единого Замысла в повести "Птицы, или Оглашение человека"» идейно-эстетическое содержание авторской категории «заповедное пространство» видится как подступ повествующего «я» к метафизическим границам жизни. В первой части «Оглашенных» интерес Битова к экологии и этологии, на наш взгляд, обусловлен особой культурной ситуацией 70-х годов, в которой поиск подлинных ценностей жизни осуществлялся в том числе и через научное познание природы и человеческого поведения. Научно-эссеистское мышление персонажа – эколога и этолога доктора Д. – и повествовательная стилистика автора находятся как бы в противоречии. В диалоге «двух перипатетиков» возникает текст-поведение, «повесть-эссе». Принципы писательской «этологии» Битова, сформировавшиеся в 1970-е годы, актуальны и в новом контексте времени 1990-2000-х годов (см. эссе Битова «Текст как поведение», «Поведение как текст», «Поведение как поведение», собранные в книге «Текст как текст» 2010 года). Если в эссеистике речь идет все-таки о «чужом слове», о литературном и человеческом поведении других, то в романе-странствии «Оглашенные» повествуется о личном духовно-эстетическом опыте авторского «я». В повести «Птицы...» (впервые опубликована в 1976 году), ставшей частью романа-странствия, выражение многих смыслов стало возможным благодаря новой свободе писательского слова. Подзаголовок «Новые сведения о человеке» в контексте «Империи в четырех измерениях» изменен на «Оглашение человека».

Размышляя о «заповедном», Битов связует два аспекта пространства как такового, а именно: его очевидную наполненность (жизнь) и его мысль (смысл). Умозрительный образ, или мыслеобраз становится лучшим выражением авторского замысла, открывающегося с каждой строкой повести. Именно мыслеобразы держат повествование в крайнем напряжении, осуществляют неразрывную связь зримого пейзажа и человеческого сознания. Автор стремится передать свои прозрения наиболее полно, и для этого ему самому необходимо быть в напряжении. Комментирующий характер текста объясняется переходом «от зримоочевидного к умопостигаемому», который автор-повествователь постоянно совершает. Наложение двух пространств (природного и пространства духа) и создает «напряжение границы», которое становится необходимо, чтобы задуматься о наполнении жизни смыслом, то есть об ощущении ее целостности, о единстве ее Замысла.

В повести «Птицы, или Оглашение человека» соотношение авторского слова и молчания пейзажа – вопрошающего сознания и самодостаточной природы – видится как граница двух сред – человеческой и Божественной. Автор передает «напряжение границы», говоря о проблемах этологии и экологии, исходящих прежде всего из противоречия между знанием и незнанием человеком своих границ, экзистенциальных и нравственных. В «заповедном пространстве» утверждается надличная значимость жизни, определяются основные духовные ориентиры и в пространстве текста. Катарсис, пережитый автором-повествователем во время грозы, опыт молитвы

открывают недостижимо трудную и все же существующую возможность почувствовать и передать единство всего сущего. «Заповедное пространство» несет сакральное сообщение о дозволенном и запретном. Приближение к «идеалу однородной среды», по Битову, возможно лишь как приближение, предощущение Единого Замысла для мира и его отражений. Автор романа погружен в *реальность опыта познания* очевидных, но глубоко скрытых вещей и понятий, на которых зиждется существование человека и человечества.

В параграфе 3.2. «Пространство диалога о творчестве в повести "Человек в пейзаже"» категория «заповедное пространство» рассматривается с точки зрения творческого самоосуществления человека, его высшего предназначения перед Творцом как Художником целостной картины мира.

Диалогическое пространство повести держится как на иронии, так и на глубоко серьезных состояниях сознания. Битова, на наш взгляд, нельзя упрекнуть в «безоглядной и беспредельной иронии». В повести «Человек в пейзаже» парадоксальные переходы от возвышения смыслов к профанации реальности – и наоборот – отражают битовский принцип балансирования на контрастах бытия. «Наличие истинного "кода"», или, по Битову, «точности духовного сюжета» принципиально и для анализируемой повести. В «Человеке в пейзаже» «художественное постижение действительности» происходит в пространстве диалога о смысле творчества. Диалог во многом вписан в духовный контекст 1980-х годов, когда интеллектуальные поиски интуитивно связывались с религиозно-философскими исканиями. Смешанное, не строгое восприятие религии, как думалось тогда, открывало вариативность постижения реальности, но оно же приводило к духовной неточности. Битов, как представляется, увидел преодоление «зыбкости очертаний мирообраза» (М. Липовецкий) в духовном опыте прежде всего отдельного человека. Писатель начал с самого себя, поэтому его творчество в большей степени имеет автобиографический и исповедальный характер, нежели характер мемуарный. Отсюда и нечеткая мировоззренческая граница между размышлениями персонажа и автора. Писатель остается верен принципу самопознания как условия понимания Другого.

Принцип различения двойственных пространств, характерный для всего романа, в «Человеке в пейзаже» выражается через противопоставление «заповедного» пространства природы и «незаповедного» пространства цивилизации. На границе этих пространств зарождается мысль о духовной родине человека, которая, по мысли автора, обретается лишь через проникновение в «заповедное» пространство природы, а вместе с ним и в «заповедное» пространство духа, связанного с вечными основами бытия. Здесь происходит воссоединение расколотого в обыденной жизни человеческого сознания. Человек в «пейзаже» совпадает с человеком, видящим пейзаж со стороны, участник событий совпадает с их созерцателем, герой – с автором. Читатель вводится в «творческий хронотоп» автора. Для Битова в «Оглашенных» принципиально важна динамика взаимного наложения событийных хронотопов странствия (Косы, дороги, руин) и хронотопа духовного странствия. «Творческий хронотоп» не только раскрывает процесс того, как книга пишется, но и отмечает вехи движения «оглашенного» (мятущегося) к богопознанию. Способом «духовного уточнения»,

прорыва в глубину становятся для повествователя диалоги с Павлом Петровичем. В парадоксальных, порой избыточно длинных рассуждениях героя ощущается не прием остранения, а искреннее стремление автора пробиться к истине через все противоречия ей.

Высшие проблемы содержания неотделимы для Битова от технологии письма. «Внезапная точка» пространства, откуда «все видно», должна быть найдена и в жизни, и в тексте. Битов ощущает, что и в слове (тексте) реальность обречена на расслоение, если художник создает лишь иллюзию глубины, идет не вглубь, а «поперек слоя».

«Соотношение верха и низа» Битов передает и стилистическими средствами. Метапоэтика в романе выявляется, с одной стороны, через медитативный, диалогический характер повествования, с другой – через авторскую иронию и самоиронию, граничащие с откровенным юмором и словесной эквилибристикой. Но во всем этом для Битова прежде всего важна точность понимания реальности, достигаемая лишь при духовном усилии и заключающаяся в слове, которое «ликует» от своего соответствия тому, что оно означает.

В центре **параграфа 3.3. «Текстуальное и духовное "Я" в повести "Ожидание обезьян"»** – поиск «заповедного пространства», духовных ориентиров, творческое самоосуществление автора в пределах собственного текста (судьбы, предназначения). В повести «Ожидание обезьян» идея «заповедного» пространства непосредственно связана с реализацией авторского начала в тексте. Граница между внутренней и внешней жизнью автора актуальна в течение всего духовного странствия, но именно в третьей части открывается основная цель пути – обретение единства жизни и текста. Столкновение в тексте романа разноприродных реальностей создает не только комический эффект, но и ощущение ирреальности происходящего, преодолеваемой только авторской иронией. Битов и как художник, и как мыслитель исследует глубинные процессы жизни, ее универсальные принципы, актуальные для любого времени и места. Таким образом, «заповедное пространство» находится прежде всего внутри самого человека. Однако прийти к нему человек, подобно битовскому автору-герою, должен через странствие и преодоление как социально-исторических, так и духовных преград.

Сквозной прием балансирования между автором и героем, текстом и жизнью является метапоэтическим принципом, необходимым Битову, на наш взгляд, не столько для удачной комбинации трех своих текстов, сколько для попытки объяснения, и в первую очередь самому себе, духовной связи всего со всем.

Исторический распад Империи, связанные с ним недоумение, поиск новой идентичности, драма поколения, новое пространство свободы/несвободы переданы Битовым фактически и психологически достоверно, символически ёмко. Специфика повести в том, что приметы времени, муки самосознания выражены прежде всего в *процессе* словесного запечатления ускользающей реальности. Одновременность переживания и осмысления жизни, сопротивление реальности авторскому намерению удержать власть в сотворенной им Империи текста воплощены с помощью приема расслоения авторского «я» на «я» автора-повествователя и «он» автора-героя. Поиск «заповедного пространства», где

только и возможно единство человека с природой и самим собой, в «Ожидании обезьян» совпадает у автора с поиском единого замысла, воплощение которого способствовало бы целостному восприятию абсурдной действительности. Через противоречия и сближения текстуального и духовного «я» в романе передается развитие творческого сознания. «Заповедное» пространство – это сфера, в которой человек не раздираем на части ни страстями, ни противопоставлением рассудка и сердца, ни противоречивостью собственного опыта. Для автора важным результатом странничества как творческого самоосуществления становится обретение «заповедного пространства» самой литературы, в котором царит свобода творчества – возможность, преодолев внутреннюю немоту и несвободу, обрести себя в слове.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, намечаются его перспективы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 14 публикациях.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Тугушева Э. Ф. «Границы времени и пространства» в эссеистике А. Г. Битова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Научный журнал. Саратов, 2010. Т. 10. Сер. Социология. Политология. Вып. 1. С. 76-79.

2. Тугушева Э. Ф. «Записки из-за угла» А. Г. Битова как метапоэтический текст // Известия Саратовского университета. Новая серия. Научный журнал. Саратов, 2011. Т. 11. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 90-93.

Публикации в других научных изданиях:

3. Тугушева Э. Ф. Диалог как духовное измерение в романе-странствии А. Битова «Оглашенные» // Философия. История. Культура : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Б. В. Чернышева. Вып. 7. Саратов : СЮИ МВД России, 2006. С. 242-247.

4. Тугушева Э. Ф. «Заповедное пространство» в романе-странствии А. Битова «Оглашенные» // Проблема текста в гуманитарных исследованиях : материалы научной конференции 16-17 июня 2006 года. М. : Издатель Савин С. А., 2006. С. 100-102.

5. Тугушева Э. Ф. Исповедальное измерение в творчестве А. Г. Битова // Исповедальные тексты культуры : материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 18-19 ноября 2006 г. / под ред. М. С. Уварова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. С. 278-284.

6. Тугушева Э. Ф. «Размышления на границе поэзии и прозы» А. Г. Битова: к вопросу об образе автора // Текст. Произведение. Читатель : материалы всеросс. науч. конф. ; 11-13 октября 2007 г. Казань : РИЦ «Школа», 2008. С. 160-164.

7. Тугушева Э. Ф. Идея духовного наставничества в романах А. Г. Битова «Пушкинский дом» и «Оглашенные» // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых : в 3 ч. Вып. 11, ч. I-II. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2008. С. 102-105.

8. Тугушева Э. Ф. Образ автора и прием мистификации в повести А. Г. Битова «Преподаватель симметрии» // Материалы XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья : в 3 ч., ч. 2 / предисл. А. М. Калимуллина. Елабуга : Изд-во ЕГПУ, 2008. С. 340-344.

9. Тугушева Э. Ф. Произведение А. Г. Битова «Дворец без царя» как Петербургский текст // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве : материалы конгресса. Санкт-Петербург, 15-17 октября 2008 г. Русская литература в контексте мировой литературы. Место и роль русской литературы в мировом образовательном пространстве / под ред. П. Е. Бухаркина, Н. О. Рогожиной, Е. Е. Юркова : в 2 т. Т. II, ч. 2. СПб. : МИРС, 2008. С. 358-365.

10. Тугушева Э. Ф. Проблема документального и художественного в эссе А. Г. Битова «Прорвать круг» // Писатель. Критик. Журнал : сб. науч. тр. / под ред. проф. А. А. Демченко. Вып. 2. Саратов : Изд. центр «Наука», 2008. С. 83-87.

11. Тугушева Э. Ф. Тема «Художник и власть» в романе-странствии А. Г. Битова «Оглашенные» // Институты власти в языке, литературе и журналистике России : сб. науч. ст. Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. С. 132-142.

12. Тугушева Э. Ф. А. Г. Битов об А. И. Солженицыне в пространстве русской литературы // А. И. Солженицын и русская культура : сб. научных трудов. Вып. 3 / отв. ред. и сост. проф. Л. Е. Герасимова. Саратов : Изд. центр «Наука», 2009. С. 188-192.

13. Тугушева Э. Ф. Духовно-эстетический критерий изучения литературы в работах С. С. Аверинцева // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых : в 3 ч. Вып. 12, ч. I-II. Саратов : Изд. центр «Наука», 2009. С. 281-283.

14. Тугушева Э. Ф. А. Г. Битов о феномене «единого текста» А. С. Пушкина // Русская литература в современном культурном пространстве : материалы всероссийской научной конференции. Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2010. С. 295-302.

Тугушева Эльмира Феясовна

Метапоэтика А.Г. Битова

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 22.09.2011
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times»
Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 177-Т

Отпечатано в Типографии СГУ
410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, 112а, корпус 8
(845-2) 27-33-85